

В. И. Мусаев

Свободноцерковные общины на Северо-Западе России в 1917–1920-е годы

Для членов свободных протестантских общин — баптистов, евангельских христиан, адвентистов, пятидесятников и др. — политические перемены, происшедшие в России после октября 1917 г., имели неоднозначные последствия. В период нахождения у власти Временного правительства, когда давление на свободные общины ослабло, были приняты постановления об отмене вероисповедных и национальных ограничений и о свободе совести, появились надежды на общее улучшение положения. Октябрь 1917 г. перечеркнул многие социально-экономические планы и начинания руководителей ведущих свободных протестантских объединений, однозначно связывавших свое будущее с буржуазно-парламентским строем. Поэтому отношение лидеров общин к новой власти было настороженным. Баптистские руководители, в частности, предрекали, что захват власти большевиками приведет Россию к гибели. Для сектантских объединений в этот период была характерна политическая пассивность. В печатных изданиях подчеркивалось, что участие верующих в политической борьбе является нарушением важнейших религиозных заповедей и предписаний. Сектантская печать обращалась к разным социальным группам с призывами к прекращению конфликтов и братоубийственной борьбы и к решению споров на основе «духовного возрождения и духовного единения» всех людей. Сектантские проповедники стремились вызвать у верующих отрицательное отношение к марксизму как учению, несовместимому с социально-этической программой христианства¹.

**Мусаев
Вадим Ибрагимович**
д-р ист. наук,
вед. науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
институт истории РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

С другой стороны, в изменившихся условиях свободные общины могли найти и определенный позитив. Декрет об отделении церкви от государства в правовом отношении уравнивал все религиозные общины, ликвидировав прежние привилегии Русской православной церкви (РПЦ). Отношение коммунистических властей к сектантам как неоднократно гонимым при прежней власти и не связанным со старым государственным аппаратом было не столь жестким, как к РПЦ или к католическим общинам. Введение светского образования в школе не вызывало возражений со стороны сектантов в той его части, которая выводила Закон Божий в православной интерпретации за рамки школьных программ. Законодательные положения, в принципе запрещавшие любые формы организованного преподавания основ вероучения лицам до 18 лет, вызывали у них, безусловно, негативную реакцию². При этом все же оставалась возможность обучения детей религии частным образом. Декрет ВЦИК от 13 июня 1921 г., в порядке исключения, разрешал изучение Закона Божьего несовершеннолетними на дому (под руководством родителей или специально приглашенных лиц), группами не более трех человек³.

Исследователь истории русского протестантизма, Т. Никольская, отмечала, что религиозные меньшинства давали советской власти возможность демонстрировать свою веротерпимость. «Большевики стремились в первую очередь ослабить и сокрушить Русскую Православную Церковь, которая номинально объединяла большинство русского населения страны и еще недавно считалась идеологической опорой самодержавия. Протестанты, находившиеся до 1917 г. на положении гонимого меньшинства, могли в какой-то мере выступать в глазах большевиков союзниками, в том числе и в борьбе с Православной Церковью»⁴. При всей непоследовательности в религиозной политике государственных органов, особенно на местах, и фактах давления на религиозные организации и их лидеров конфессиональные меньшинства, в частности свободные общины, временно оказались в более выгодном положении, чем Православная или Католическая церкви (ничего похожего на «процесс ксендзов» 1923 г. против сектантских лидеров до конца 1920-х гг. не проводилось). По мнению некоторых сторонников нового режима, таких как, например, бывший пастор Александр Маттерн, перешедший на атеистические позиции, секты даже выглядели полезными, поскольку они помогали расколоть лютеранскую церковь и в конечном итоге свести на нет ее влияние⁵.

Свободные общины, в отличие от Русской православной церкви, не обладали обширным движимым и недвижимым имуществом, которое могло бы привлечь к себе внимание властей. Для их богослужебной практики не требовалось ни специального убранства помещений, ни богослужебной утвари (кроме Библии). Многие общины не имели собственного молитвенного здания и либо арендовали помещения у организаций и частных лиц, либо собирались на частных квартирах. В Петрограде, например, только у общины баптистов имелся собственный молитвенный дом, построенный в 1910 г.⁶ Поэтому лишение религиозных организаций прав собственности и прав юридического лица отразилось на положении свободноцерковных общин не так болезненно, как на положении РПЦ, а также (в меньшей степени) Римско-католической

и Евангелическо-лютеранской церковей. «Кадровый голод», нехватка специально подготовленных священнослужителей, также не был для сектантов такой же большой проблемой, как для православных, католиков или лютеран. В свободных общинах исповедовался принцип всеобщего священства, для проповедников и лидеров общин не требовалось специальной процедуры посвящения (хиротонии или ординации), так что арестованному или отошедшему от дел проповеднику легче было найти замену. Интересным явлением было обращение в баптизм некоторых бывших военнопленных, возвращавшихся из Германии. В немецких лагерях для военнопленных активно работали баптистские миссионеры. Крещение в баптизм приняли до своего возвращения в Россию около 2000 бывших военнопленных, остававшихся в Германии до 1920 г.⁷

Положение ряда свободных общин усугублялось тем обстоятельством, что многие из них, заявляя о своих пацифистских убеждениях, отказывались служить в армии. Пункт 6 Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» гласил: «Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от своих гражданских обязанностей». Однако далее следовало дополнение: «Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанностью другою, в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда»⁸. 4 января 1919 г. появился Декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям»⁹. Это имело известный положительный эффект для свободных общин, часть которых отрицала применение оружия. После опубликования декрета от 4 января 1919 г. в суды начали поступать просьбы об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям не только от отдельных членов общин, но и от целых деревень и вероисповедных объединений. Декрет стал лазейкой для множества желавших уклониться от армейской службы. В сектантские организации хлынул поток молодежи призывного возраста. Власти на местах, однако, подчас не знали о существовании декрета или не признавали его легитимность, так что «уклонисты» нередко подвергались наказаниям¹⁰.

У свободных общин отношение к военной службе было различным. У некоторых сект, в частности у колосковцев, пункт об антимилитаризме был внесен в текст устава. Петроградские адвентисты в 1919 г. настаивали на том, что вопрос о допустимости пролития человеческой крови каждый член общины должен решить для себя самостоятельно¹¹. В «Вестнике баптистов» в первой половине 1919 г. отмечалось, что баптисты в мирное время в большинстве не отказывались от несения воинской обязанности, однако делали они это по тактическим соображениям, стремясь избежать строевой службы. В армии баптисты видели широкое поле для миссионерской деятельности и шли туда для пропаганды своих взглядов. В подобном духе в первые годы советской власти действовали евангельские христиане. В целом же и те, и другие считали армейскую службу нежелательной. В резолюции съезда баптистов в мае — июне 1920 г. было записано, что каждый баптист должен считать своим долгом открыто отказываться от воинской службы во всех ее видах. Евангельские христиане на Всероссийском съезде в Самаре в ноябре 1920 г. также приняли решение о стремлении к полному освобождению от воинской службы без

всякой ее замены исполнением других обязанностей¹². Особое неудовольствие властей вызывало то обстоятельство, что, несмотря на многочисленные официальные заявления сектантов об их безусловном пацифизме и невозможности пролития человеческой крови во имя земных целей, в ходе Гражданской войны выявлялись факты сотрудничества некоторых общин и отдельных их членов с белогвардейцами. Имелись, впрочем, и примеры противоположного характера, когда сектантские организации подвергались тем или иным ограничениям и даже преследованиям на территориях, занятых противниками советской власти (на Украине, Северном Кавказе, в Сибири), как якобы союзники и тайные агенты большевиков¹³.

В период с 1917 по 1921 г., в условиях Гражданской войны и трудностей в материальном обеспечении, издательская деятельность свободных общин значительно сократилась. В 1920-х гг. наступило новое оживление. Пользуясь правом вести религиозную пропаганду, протестанты выпускали духовную литературу и периодические издания: «Слово Истины», «Христианин» (возобновлен в 1924 г.), «Баптист» (первый номер ежемесячного журнала «Баптист» вышел в январе 1925 г., после семилетнего перерыва), «Баптист Украины», «Благовестник» и др. В 1926 г. Всесоюзный совет евангельских христиан издал Библию тиражом в 25 тыс. экземпляров. Верующие созывали съезды и конференции, открывали учебные курсы¹⁴. Многие члены свободных общин не только разделяли идеи коммунистического братства, но и пытались воплотить их в жизнь. Это ярко проявилось в организаторской деятельности лидера евангелистов И. С. Проханова, который выступил инициатором образования религиозных сельскохозяйственных объединений. Его идеал, который он обрисовал в статье «Новая или евангельская жизнь», мало отличался от коммунистических утопий¹⁵. После установления новой власти в ряде евангельско-баптистских церквей вновь пробудилось стремление к созданию сельскохозяйственных коммун и мелкопроизводственных кооперативов. Подобный пример представлял собой сельскохозяйственный коллектив «Прилучье» в Новгородской губернии, организованный в 1918 г.¹⁶

На рубеже 1910–1920-х гг. в новую фазу вступил процесс объединения баптистов и евангельских христиан, инициированный еще в дореволюционное время. Речь шла о слиянии (в конечном итоге) двух союзов в единую структуру. В декабре 1918 — феврале 1919 г. петроградской общиной русских баптистов и петроградской общиной евангельских христиан было принято первое совместное постановление о сближении, подписанное со стороны баптистов И. Н. Шиловым и В. Ефимовым, а со стороны евангельских христиан И. С. Прохановым, А. В. Каревым и К. Богдановым. В сентябре было принято второе совместное постановление, в котором, в частности, отмечалось: «Мы, община евангельских христиан и община баптистов, оставаясь самостоятельными и независимыми друг от друга, стремимся осуществить то единство, о котором сделано постановление обеими общинами»¹⁷. 19–24 января 1920 г. состоялось первое совещание Временного всероссийского общего совета. В нем приняли участие десять человек. В соответствии с предварительной договоренностью, достигнутой Временным всероссийским общим советом, 27 мая — 6 июня

1920 г. в Москве одновременно состоялись съезды баптистов и евангельских христиан. Большая часть заседаний проводилась совместно¹⁸.

Дело объединения, однако, не было доведено до конца. На заседании, состоявшемся 4 июня, при переходе к техническим вопросам слияния союзов обнаружилось серьезное разногласие. Вопрос заключался в том, кто будет стоять во главе союза и где будет находиться Совет. На совместном заседании двух расширенных президиумов П. В. Павлов предложил коллегиальное управление делами союза с равным числом членов с обеих сторон и две коллегии Совета смешанного состава в Петрограде и Москве. И. С. Проханов, однако, настаивал на том, чтобы местопребыванием Совета был Петроград, а в Москве находились бы два уполномоченных от Совета. Баптисты на такой вариант не согласились, и дело объединения застопорилось. Дальнейшие двухнедельные переговоры на уровне президиумов союзов не дали результата¹⁹. Объединение оказалось отложенным. В последующие годы представители двух общин продолжали сотрудничество в области подготовки проповеднических кадров. В 1923–1924 гг. в Петрограде в центральной церкви евангельских христиан «Дом спасения» были открыты совместные девятимесячные Библейские курсы для баптистов и евангельских христиан. В 1924 г. сотрудничество, впрочем, прервалось. 30 января 1925 г. в Ленинграде были открыты регулярные годовичные библейские курсы евангельских христиан, которые просуществовали до середины 1929 г. На курсах преподавали И. В. Каргель, И. С. Проханов, В. И. Быков и Н. А. Казаков. За это время было выпущено около 400 проповедников²⁰.

В 1920-е гг. в России, в том числе на Северо-Западе, довольно активно распространялось учение пятидесятников. Еще в 1913 г. проповедники русской евангелической общины в Гельсингфорсе (Хельсинки) Н. П. Смородин и А. И. Иванов под влиянием проповедей американского миссионера А. Уршана вышли из организации и основали собственную общину «христиан Пятидесятницы». Затем они переехали в Россию и развернули активную деятельность в Петербурге и ряде губерний, включая Новгородскую²¹. Н. П. Смородин во время Гражданской войны оказался на территории Польши, но его сторонники продолжали миссионерскую деятельность в России. В 1921 г. в Петрограде была зарегистрирована «Община евангельских христиан в духе апостольском», образованная еще в 1913 г. Община поначалу собиралась на квартире А. И. Иванова, затем ее члены получили возможность проводить богослужения в помещении лютеранской церкви на Петроградской стороне, на углу Кронверкской и Сытнинской улиц²². Еще большее распространение получило другое направление пятидесятничества, лидером которого стал вернувшийся из Америки проповедник И. Е. Воронаев. Группы, основанные под его влиянием, находились в основном на Украине, где в 1925 г. был учрежден Всеукраинский союз христиан евангельской веры. С 1928 г. начал выходить пятидесятнический журнал «Евангелист», однако до начала нового массированного наступления на религию и церковь редакция успела выпустить только восемь номеров²³.

Деятельность свободных общин на территории северо-западных российских губерний в 1920-е гг. была весьма активной. В определенной степени этому способствовали сложности, переживаемые Православной и Евангелическо-

лютеранской церквами. Сектанты, пользуясь ситуацией, умело заполняли образовавшийся духовный вакуум, активизируя проповедническую работу в уездах и волостях. На рубеже десятилетий и далее в течение 1920-х гг. в материалах советских и партийных органов неоднократно сообщалось об образовании новых протестантских общин. Известно о существовании в Гдовском уезде в 1924 г. общины адвентистов седьмого дня. В уезде действовали шесть проповедников, имелось десять молитвенных домов²⁴. В Гатчинском (Троцком) уезде, по данным на 1924 и начало 1925 г., имелись группы «пашковцев», евангелистов, баптистов, «скакунов», «хлыстов» (сохраняем терминологические особенности источника). Общее число членов насчитывало около 2500 человек. Ряд сект не был зарегистрирован в волисполкомах и вел работу «до некоторой степени нелегально». На учете находилось 35 руководителей сект, принадлежавших по социальному положению «к кулацкому элементу». В отчете подотдела национальных меньшинств отмечалось: «Метод вовлечения в секты в особенности молодых, например, у евангелистов, заключается в музыкальных иллюстрациях, т. е. секция организует молодежь в хоровые и музыкальные кружки, а также ставя сценические постановки с известным содержанием. Особенно это отзывается в населенных пунктах, где не имеется изб-читален и красных уголков и вообще где отсутствует политическая работа»²⁵. В материалах уездного партийного комитета приводились и более подробные сводки по волостям. Например, сообщалось, что в Слуцкой волости имеются «скакуны» (вероятно, речь шла о «прыгунах», как разновидности молоканства): «Поют церковные песни, скачут до упаду, проводят оргии. Население относится к ним отрицательно». В Копорской волости особо заметны были евангелисты: «Имеют пункты, но стараются захватить больше. Ведут беседы, у женщин имеют влияние». В Детском Селе в то же время сектантства не было отмечено²⁶. В списке религиозных общин, действовавших в Кингисеппском уезде в 1925 г., фигурировали община евангельских христиан в Котлах, Веймарнская община христиан седьмого дня (видимо, адвентистов) в деревне Хорошего Ястребинской волости, некая община Ингерманландских христиан в Куземкино²⁷.

Национальный состав этих общин был, видимо, смешанный. Некоторые объединения имели более выраженный национальный характер. Например, в состав основанного в 1919 г. в Детскосельском уезде Ингерманландского миссионерского общества первоначально входили 165 ингерманландских финнов. Общество было переименовано затем в Ингерманландский союз евангельских христиан. Союз являлся официально зарегистрированной организацией и имел свою печать²⁸. Согласно уставу, Союз брал на себя руководство «в тех отраслях работы Божией, которые были бы не под силу отдельным общинам, как то: 1. Правильно поставленное дело распространение евангельских истин и 2. Проведение их в жизнь путем развития общественной жизни общин»²⁹. В дальнейшем Союз распространил свою деятельность также на Петроградский и Кингисеппский уезды. К середине 1920-х гг. он объединял уже несколько общин. Для координации их работы ежегодно собирались съезды, в перерыве между которыми в качестве исполнительного органа съезда работал союзный

совет. Его председателем был Г. Пипаринен³⁰. Союз входил во Всесоюзный совет евангельских христиан на правах филиала. Известно, что ближе к концу 1920-х гг. он имел в своем составе 14 самостоятельно зарегистрированных приходов в ряде городов и селений Ленинградской области: на ст. Сиверской, в Красногвардейске (Гатчине), Дудергофе, Лигове, Волосово, Нисковицах, Слуцке (Павловске), Тосно, Губаницах и Кингисеппе. Некоторые приходы насчитывали до 200 членов. Регулярно проводились богослужения. Союз просуществовал до 1932 г.³¹

Петроградская эстонская община евангельских христиан, образованная в 1922 г., как следует из названия, объединяла в своем составе петроградских эстонцев. Цель этой общины определялась как «борьба с народным суеверием путем распространения чистых евангельских истин». Ее председателем был А. Г. Нейман. Община занималась проведением молитвенно-богослужебных собраний и вечеров евангельского пения в разных районах города, открыла библейские курсы³². В январе 1923 г. община была зарегистрирована в отделе управления райсовета Центрального района Петрограда. Члены эстонской общины также старались выйти за чисто национальные рамки, что нашло отражение в решении общего собрания общины от 2 августа 1923 г. о ее переименовании в Русско-эстонско-финскую общину христиан евангельской веры³³. В Псковской и Новгородской губерниях сектантство среди эстонского населения широкого распространения не получило. В Псковской губернии отмечалось функционирование нескольких баптистских групп, в Новгородской губернии было зафиксировано лишь наличие семи адвентистов в Лычковском районе в селении Яблоня и двух-трех баптистов в Чудовском районе в селении Селицы³⁴.

В 1925 г. был подготовлен подробный доклад о деятельности сект на территории Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе. Согласно докладу, секта евангельских христиан имела в Ленинграде руководящий орган — Всесоюзный совет евангельских христиан, который возглавлял И. С. Проханов. В докладе отмечалось: «Совет состоит из 14 человек, лиц разных друг другу по социальному положению, здесь есть лица с высшим образованием, мелкие служащие, приказчики, кустари, даже чернорабочие до 1914 года. Совет руководит работой всех местных общин по СССР и даже имеет связь с заграницей, откуда в большинстве получает религиозную литературу (Германия, Америка). По Ленинграду у данной секты имеется 9 отделений, во главе которых стоят такие советы из 5–12 человек, по социальному положению публика разнообразная, в большинстве своем мещанско-обывательская, с небольшим количеством рабочих и служащих. Количество сектантов по Ленинграду в 9 отделениях достигает 1200 человек, по социальному положению разделяется так: рабочих и служащих — 40%, торговцев и кустарей — 38%, домохозяек и прислуг — 20% и лиц с высшим образованием, как то: инженеры, врачи и профессора — 2%. Кроме перечисленных общин, у евангельских христиан раскинута довольно широкая сеть по губернии, как в Троицком уезде имеется 3 общины, с общим числом сектантов 350 человек, из коих 275 крестьян, остальные же принадлежат к числу служащих, кустари и рабочие. Руководо-

дителями общин являются местные крестьяне, а для проведения религиозных собраний из Ленинграда командированы специальные проповедники»³⁵.

Кроме того, в Кронштадте существовала община численностью около 100 человек, «состоящая преимущественно из домохозяек и небольшой части рабочих». В районе Сестрорецка имелись две общины в 250 человек, преимущественно крестьяне и кустари. Небольшие общины, числом по 40–50 человек, имелись в Гдове, Кингисеппе, Луге, Шлиссельбурге, «но благодаря их малочисленности и разрозненности, они никакого внимания не заслуживают». Далее в докладе указывалось, что «в общем и целом, секта евангельских христиан в Ленинградской губ. одна из самых крупных и сильных как в количественном, так и в качественном составе. Секта объединяет по губернии до 2500 действительных членов, имея в Ленинграде библейские курсы по подготовке кадра (так!) проповедников, каковые по окончании 2-х летнего обучения разъезжаются для работы на места и тем самым безусловно укрепляют свою линию. Слушатели на курсах собраны со всего СССР в количестве 150 человек, по социальному положению публика разнообразная, крестьяне в большинстве»³⁶.

Средства секты складывались из добровольных пожертвований. По поводу отношения к советской власти отмечалось, что открытой антисоветской пропаганды не замечается, «но все же, в особенности в деревне, сектанты свое делают, проповедники непрочь настроить крестьянина против власти на почве запрещения преподавания вероучений в школе, а также и разagitировать против советской школы, что в ней учат нехорошему, а лишь разврату». Об отношении к воинской обязанности было записано следующее: «Секта признает каждую повинность за долг ее выполнять, в отношении же воинской не дает прямых указаний, что ее члены таковую должны выполнять, а лишь ограничивается ответом, что это дело каждого члена в отдельности, а по их учению, взять винтовку в руки считается за грех, но все же необходимо отметить, что их члены в армии служат, и их за это из секты не исключают, но есть и обратные явления, хотя и в редких случаях, отказа от военной службы». Взаимоотношения секты с Православной церковью были охарактеризованы как отрицательные. Сектанты, пользуясь расколом в церкви, вели пропаганду против духовенства и старались привлечь как можно больше сторонников в свою среду³⁷.

О баптистах было записано, что данная секта являлась однородной по вероучению с евангельскими христианами и имела до 1922 г. с евангелистами один общий совет, но впоследствии на принципиальных вопросах и вопросе о воинской повинности произошел раскол. Секта свой центр имела в Москве, в Ленинграде же существовал отдел Северной области, состоявший из 11 членов. Секта в Ленинграде имела три своих отделения, которыми руководили члены отдела. Было выявлено 400 действительных членов. По губернии имелось еще восемь отделений: в Гатчинском (Троцком) уезде, в окрестностях ст. Поповке, в Колпине, Детском Селе, Сестрорецке, Троцке, в окрестностях Колпино и на Пороховых. Данные отделения количественно были незначительны, всего лишь от 20 до 40 человек. Всего же в восьми отделениях насчитывалось около 250 человек, преимущественно крестьяне и рабочие³⁸.

Отношение секты к советской власти было таким же, как у евангельских христиан, что же касается вопроса воинской повинности, то в данной секте он стоял острее, баптисты категорически выступали против того, чтобы их члены служили в армии. «По этому вопросу баптисты в конце 1923 года разослали по своим отделениям специальное воззвание с призывом не присоединяться к постановлению евангельских христиан, которые этот вопрос предоставляли решать каждому члену в отдельности по его совести. Эта их агитация имела успех, т<ак> к<ак> было немало случаев отказа со стороны их членов служить в армии, и в данный момент баптисты стараются распушить свою идею среди молодежи и красноармейцев, но, несмотря на это, положительных результатов не видно». Средства общины складывались из добровольных пожертвований. Отношение к Православной церкви отмечалось как отрицательное³⁹.

Секта адвентистов имела по городу шесть отделений с общим количеством 250 действительных членов, «преимущественно женщины в возрасте 35–50 лет пролетарского происхождения и до 5 % мужчин-стариков», — сообщалось в докладе. Сектой руководил совет, состоявший из восьми человек. Отношение к советской власти отмечалось как лояльное, антисоветской деятельности не замечалось. По уездам секта отделений не имела, были отдельные единомышленники, которые никакой работы не вели. Влиянием на деревню и молодежь адвентисты не пользовались. Кроме того, в Ленинграде в подполье действовала «Армия спасения». Она существовала на законных основаниях с 1917 до 1922 г., когда была ликвидирована за «контрреволюционную деятельность». Некая Вейсберг, «б<ывшая> помещица», начала собирать вокруг себя бывших членов организации, каковых на тот момент насчитывалось до 50 человек. Члены общины собирались на частных квартирах для устройства молитвенных собраний. По социальному положению входившие в общину «в подавляющем большинстве бывшие люди и все вообще лица непролетарского происхождения»⁴⁰.

В том же докладе речь шла и о Новгородской губернии. Всего по губернии насчитывалось шесть сект, членами которых был 731 человек. Евангельские христиане имели по губернии три общины с 178 членами. Одна из них действовала в Новгороде и его окрестностях, состав членов общины по социальному положению характеризовался как «мещанско-обывательский и мелкие торговцы». Вторая община находилась в Старорусском уезде и третья — в районе Валдайского уезда и Бологое, обе состояли преимущественно из крестьян. Как отмечалось в докладе, «данная секта имеет своих проповедников, посылает их в те местности, где нет их организаций, с целью вербовки в свою среду членов; несмотря на их старания, в течение года в губернии не возникало ни одной новой общины, но все же их работа имеет влияние на крестьянство и во многих уездах встречаются их последователи, хотя и одиночками, но они есть»⁴¹.

Баптисты имели в губернии восемь отделений с 404 членами. Пять отделений общины действовали в Новгородском, Валдайском и Старорусском уездах и еще три — в Боровичском, Демянском и Маловишерском, включая станцию Чудово. «Эти секты объединяют вокруг себя крестьянство и на 40 % рабочих и служащих. Со стороны сектантов замечается антисоветская про-

паганда среди крестьянства, на почве воинской повинности и школы. Секта развивает свою работу среди молодежи колонистов, организуя нелегальные кружки таковой, но принимаемыми мерами это в корне пресекается». В Новгороде также имелась одна община адвентистов в количестве 50 членов и более 20 методистов⁴².

С середины 1920-х гг. сектантство начало распространяться в исторической Ингерманландии и в ряде других северо-западных местностей весьма активно (особенно, согласно новому территориально-административному делению, в Волосовском, Урицком, Куйвозовском и Мгинском районах) и не без успеха конкурировало с лютеранством⁴³. Подотдел национальных меньшинств агитотдела обкома партии отмечал, что «влияние лютеранства среди эстонцев, финнов, латышей и немцев в общем за годы революции значительно пошатнулось. Это отчасти дало толчок для развития сектантства, в связи с чем между церковниками и сектантами происходит сейчас борьба за влияние на массы»⁴⁴. В Лужском округе в конце 1920-х гг. имелось 17 сектантских молитвенных домов. В материалах агитотдела обкома партии отмечалось, что в округе «влияние на массу у сектантов гораздо больше, чем у лютеранской церкви»⁴⁵.

Также и в других документах особо обращалось внимание на влияние сектантства на «национальное» население Северо-Запада. В докладе о работе среди национальных меньшинств в Ленинградском округе в 1927 г. констатировалось следующее: «В данное время среди населения нацмен сильно развивается сектантство, баптисты, евангелисты и прочие, которые имеют в г. Ленинграде и Троицке свои центры, в распоряжении которых имеются кадры проповедников, выезжающих по всем деревням округа. Свою работу эти сектантские организации проводят в плановом порядке, в своей работе применяют методы нашей политпросветской работы (кружки кройки и шитья, хоровые, музыкальные кружки), проводят вечера самодеятельности, выпускают стенные газеты и т. п. Руководители кружков посещают подготовку в Финляндии. Так, например, из Ленинского района была послана крестьянка Каява в университет рукоделия, откуда она по окончании курса вернулась и в данное время руководит сектантским кружком рукоделия в дер. Куйвара <...> Наряду с этим, мы встречаем со стороны сектантских организаций усиленное стремление к проведению проповедей на родном языке, а в одном из районов в состав сектантской организации входят финны и ижоры, ими проводятся религиозные собрания среди финнов на финском и среди ижоров на ижорском языках, хотя языки обеих наций близко родственны. По этим данным необходимо поставить вопрос о применении родного языка»⁴⁶.

22 августа 1927 г. Президиум ВЦИК разослал текст секретного циркуляра № 260/с «О последовательном проведении в жизнь основных законов об отделении церкви от государства и школы от церкви по отношению к сектантским организациям». В циркуляре подчеркивалось, что сектанты, получив в свое время в рамках декрета 1918 г. определенный перечень прав и полномочий, в последующие годы расширили его явочным порядком. В результате сложилось положение, при котором некоторые сектантские группы и организации имели преимущества по сравнению с другими конфессиональными

структурами, например с РПЦ. Подчеркивалось, что деятельность сектантских объединений должна быть ограничена исключительно отправлением культа и осуществляться под жестким контролем государственным структур⁴⁷. 22 марта 1928 г. были опубликованы разъяснения Президиума ВЦИК № 22/с «О недопустимости особых привилегий для религиозных сектантских организаций по сравнению с другими исповеданиями», в котором подчеркивалось, что решения августовского циркуляра 1927 г. должны проводиться в жизнь постепенно, без оскорбления религиозных чувств верующих и нарушения культового законодательства⁴⁸.

Призывы к постепенности, однако, и в центре, и на местах не производили большого впечатления в контексте общего ужесточения антирелигиозной политики. С марта 1928 г. в центральных газетах появлялись статьи, в которых обращалось внимание на расширение работы баптистов и евангельских христиан и звучал призыв к решительным мерам борьбы. Более того, подчеркивалась «контрреволюционная роль религиозных организаций, церковных и сектантских, являющихся орудием политического влияния на массы трудящихся остатков господствующих классов». Так, 13 апреля 1928 г. в «Правде» помимо призыва («создать решительный перелом в этой работе, не откладывая в долгий ящик») указывалось: «Самая мощная секта — это баптисты. У них есть свои женорги, работники среди молодежи, свои агитпропы... Баптисты организуют призывные собрания-вечера, праздник и жатв, бесплатные обеды, беседы со струнным оркестром»⁴⁹. 17 апреля в этой же газете сообщалось: «Для подготовки квалифицированного актива в Ленинграде и его округах имеются курсы проповедников... слушатели этих христианских университетов изучают марксизм... До самого последнего времени партийные и комсомольские организации почти не уделяли внимания этому натиску. Ячейки Союза безбожников мирно дремали»⁵⁰. На страницах «Комсомольской правды» была помещена заметка «Письмо из Ленинграда», направленная против А. В. Карева, который провел в Ленинграде «большой евангелизационный вечер со световыми картинками»⁵¹. Таким образом, тональность риторики антирелигиозной пропаганды за десятилетие существенно изменилась: члены свободных общин больше уже не считались «трудовыми сектантами», способными принять участие в строительстве нового общества. Гонения против сектантов при царизме объяснялись не «революционностью» сектантских лидеров, а стремлением монархического государства помочь Православной церкви устранить конкурентов⁵².

Во второй половине 1920-х гг., несмотря на усилия по «просвещению масс» в атеистическом духе и давление на религиозные организации, влияние религии, по признанию самих же антирелигиозных активистов, не только не ослабло, но и в известной степени росло. В Сводке Агитпропколлегии Ленинградского обкома партии «О состоянии религиозных организаций и антирелигиозной пропаганды по Ленинградской области» от 24 апреля 1928 г. отмечалось, что 1927 г. характеризовался «усилением и оживлением работы религиозных организаций, в особенности в деревне». Причины этого явления, наряду с оживлением «кулацких элементов через религиозные организации» и ослаблением антирелигиозной пропаганды, заключались также в «значи-

тельной материальной поддержке заграничных капиталистических государств»⁵³.

Общее число религиозных групп и обществ по городу и области на 1 января 1928 г. в сводке было определено в 2669, т. е. на восемь больше, чем годом ранее, причем это небольшое увеличение было достигнуто за счет роста именно в сельской местности (в Ленинграде и других городах их численность, напротив, несколько сократилась). Большинство составляли православные объединения — 2150 (2020 относившихся к канонической РПЦ МП и 130 обновленческих). Число сектантских групп и обществ насчитывало 284 (11 в Ленинграде, 68 в других городах и 205 в сельской местности). В числе сект, действовавших в Ленобласти, были названы евангелисты, баптисты, адвентисты первого дня, адвентисты седьмого дня, трезвенники, иоанниты, толстовцы, методисты, неплюевцы, старообрядцы и пятидесятники. К наиболее распространенным среди них были отнесены евангелисты, баптисты и трезвенники. Еще 235 обществ принадлежали к другим неправославным конфессиям (36 в Ленинграде, 93 в других городах области и 106 на селе). Помимо католиков и лютеран, в это число были также включены иудейские и мусульманские общины, но таких в то время было, скорее всего, совсем немного⁵⁴. Молитвенных зданий по городу и области насчитывалось 3354 (в том числе 262 в Ленинграде, 440 в других городах и 2652 в сельской местности), из которых 3099 действовали и 255 были закрыты⁵⁵.

При характеристике работы религиозных организаций отмечалось, что особая ставка делается на привлечение женщин и молодежи (женщины составляли от 60 до 80 % членов религиозных объединений). Сектанты уделяли особое внимание противостоянию антирелигиозной пропаганде. Упомянулись случаи, когда комсомольцы под влиянием сектантской пропаганды выходили из комсомола (в Лужском округе) или участвовали в церковном хоре (в Гдовском районе). Делались также попытки охватить детскую аудиторию. Например, в Осьминском районе Лужского округа, под видом детских богослужений или подготовки к конфирмации, организовывались детские религиозные школы. Для религиозной агитации использовались листовки и печать. В частности, евангелисты на средства, полученные из Америки, «издали 195 000 экз. разного рода духовных книг на сумму 216 500 руб.». Тираж издаваемого ими журнала «Христианин» доходил до 15 тыс. экземпляров. Библия и другие религиозные издания привозились и из-за границы⁵⁶. Наконец, отмечались тенденции к сближению различных общин, стремление «установить единый фронт для борьбы с растущим безбожием». В Лужском округе протестанты (имелись в виду, по всей видимости, лютеране) предоставляли сектантам свои помещения. В Новгородском округе «баптисты и протестанты (лютеране. — В. М.) устраивали совместные кампании, праздники, недели»⁵⁷.

Сводка констатировала «сильное ослабление антирелигиозной пропаганды по линии партийной, комсомольской, союза безбожников, политпросвета, профсоюзов, печати и др. организаций и учреждений». Ставились задачи по увеличению пропагандистских усилий⁵⁸. О том же шла речь в проекте Постановления обкома ВКП(б) об антирелигиозной пропаганде от 11 мая 1928 г.

Здесь также констатировались, «с одной стороны, усиление роста и активности религиозных организаций, в особенности сектантства, с другой — ослабление внимания к антирелигиозной работе со стороны партийных, комсомольских, профсоюзных, политпросветских и других организаций, в значительной мере не выполнивших... директивы Ленинградского губкома ВКП(б) по религиозной пропаганде». К числу мер по активизации работы, помимо мероприятий сугубо агитационного и пропагандистского характера, должны были относиться и способы принудительного воздействия: предлагалось «принять меры к выявлению и ликвидации нелегальных религиозных школ; поставить вопрос о прекращении ввоза из-за границы религиозной литературы, а также через обллит установить более тщательный контроль над издаваемой религиозной литературой в Ленинграде; принять меры к ликвидации монастырских и сектантских лжекоммун и артелей»⁵⁹.

В целом во второй половине 1920-х гг. свободные общины, в условиях усиления давления на них, были вынуждены идти на все большие уступки и отступления от некоторых своих принципиальных установок, чтобы сохранить основы для своей легальной деятельности. Это проявлялось, в частности, в вопросе об отношении к военной службе. Пятидесятники, которые до того занимали в этом вопросе отрицательную позицию, на своем Втором Всеукраинском съезде в 1927 г. воспроизвели формулировки, озвученные евангелистами и баптистами в 1923 г. Адвентисты на Втором Всесоюзном съезде в Москве в 1928 г. заявили, что каждый адвентист, который отказывается от военной службы, должен рассматриваться как отступник. Даже меннониты на своем Всесоюзном съезде в 1928 г. говорили об отказе от отрицательного отношения к военной службе⁶⁰. Эти и другие уступки, однако, не могли избавить свободные общины от тех же фатальных последствий, которые повлекли для всех религиозных организаций изменения в правительственной политике, наступившие на рубеже десятилетий.

¹ Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатов А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 — конец 1930-х годов). СПб., 2003. С. 31–32.

² Там же. С. 47.

³ Савинский С. Н. История русско-украинского баптизма. Одесса, 1995. С. 89.

⁴ Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб., 2008. С. 65.

⁵ Gassenschmidt C. Die Evangelisch-Lutherische Kirche in der Sowjetunion 1917–1941 // Politik und Religion in der Sowjetunion 1917–1941 / Gassenschmidt C., Tuchtenhagen R. (Hrsg). Wiesbaden, 2001. S. 116.

⁶ Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть. С. 63.

⁷ Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Rußland. Stuttgart, 1961. S. 145.

⁸ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 374.

⁹ Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть. С. 64.

¹⁰ Крапивин М. Ю., Далгатов А. Г. Сектантский антимилитаризм и проблемы строительства российских вооруженных сил (1918–1939 гг.) // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.). СПб., 2004. С. 436.

¹¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 150. Оп. 2. Д. 145. Л. 10–14.

- ¹² *Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатов А. Г.* Судьбы христианского сектантства в Советской России... С. 49–50.
- ¹³ *Никольская Т.* Русский протестантизм и государственная власть. С. 69.
- ¹⁴ Там же. С. 73.
- ¹⁵ Там же. С. 69.
- ¹⁶ История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. С. 174.
- ¹⁷ *Савинский С. Н.* История евангельских христиан — баптистов Украины, России, Белоруссии. Ч. 2. СПб., 2001. С. 36.
- ¹⁸ История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 192–194.
- ¹⁹ *Савинский С. Н.* История евангельских христиан — баптистов Украины, России, Белоруссии. Ч. 2. С. 40–41.
- ²⁰ История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 215.
- ²¹ *Никольская Т.* Русский протестантизм и государственная власть. С. 77.
- ²² ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 53. Л. 6, 18.
- ²³ *Никольская Т.* Русский протестантизм и государственная власть. С. 78–79.
- ²⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 16. Оп. 12. Д. 12 273. Л. 24.
- ²⁵ Там же. Д. 12 021. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Ф. 0-1605. Оп. 1. Д. 271. Л. 1–1 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 806. Оп. 1. Д. 354. Л. 27.
- ²⁸ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 3. Л. 4.
- ²⁹ Там же. Оп. 9. Д. 15. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Л. 3–4; Оп. 8. Д. 21. Л. 16.
- ³¹ История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 224.
- ³² ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 20. Л. 75, 80.
- ³³ Там же. Л. 86.
- ³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 12 491. Л. 4; Д. 12 492. Л. 9.
- ³⁵ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 248. Л. 22.
- ³⁶ Там же. Л. 23.
- ³⁷ Там же. Л. 23–24.
- ³⁸ Там же. Л. 24–25.
- ³⁹ Там же. Л. 25.
- ⁴⁰ Там же. Л. 26.
- ⁴¹ Там же. Л. 27.
- ⁴² Там же. Л. 27–28.
- ⁴³ Там же. Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 46, 87; Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 60. Л. 34.
- ⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 87
- ⁴⁵ Там же. Д. 159. Л. 13–14.
- ⁴⁶ Там же. Д. 160. Л. 1 — 1 об.
- ⁴⁷ *Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатов А. Г.* Судьбы христианского сектантства в Советской России. С. 110–111.
- ⁴⁸ Там же. С. 111.
- ⁴⁹ Правда. 1928. 13 апр.
- ⁵⁰ Там же. 17 апр.
- ⁵¹ Комсомольская правда. 1928. 17 апр.
- ⁵² Смена. 1928. 14 апр.
- ⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 53. Л. 26.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. Л. 26 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 27 об. — 28.
- ⁵⁷ Там же. Л. 30.
- ⁵⁸ Там же. Л. 31–33.
- ⁵⁹ Там же. Л. 35–36.

⁶⁰ *Tuchtenhagen R. Zwischen sozialer Utopie und Verfolgung. Protestantische Freikirchen in der Sowjetunion 1917–1941 // Politik und Religion in der Sowjetunion 1917–1941. S. 147–148.*

Статья поступила в редакцию 7 июля 2021 г.
Рекомендована к печати 8 мая 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мусаев В. И. Свободноцерковные общины на Северо-Западе России в 1917–1920-е годы // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, № 3. С. 710–725.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.312>

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопроса о жизни и деятельности свободных протестантских общин (баптистов, евангелистов, пятидесятников, адвентистов) в Петрограде — Ленинграде и на Северо-Западе России в период после установления советской власти до конца 1920-х гг. Приход коммунистов к власти в России имел для свободных общин неоднозначные последствия. С одной стороны, в целом негативное отношение новой власти к религии, установка на построение атеистического общества имели отрицательные последствия для всех религиозных организаций. С другой стороны, благодаря ликвидации института государственной церкви свободные общины получили равные права с другими религиозными группами. В первые годы советской власти антицерковные репрессии затронули в первую очередь Православную церковь. Отношение новых властей к религиозным сектам как к преследуемым при старом режиме было несколько более терпимым. Атеистическая пропаганда в 1920-е гг. была не столь активной, как в следующем десятилетии. Также конфискационные мероприятия против церковных организаций имели для свободных общин, не обладавших обширным движимым и недвижимым имуществом, не столь тяжелые последствия. На протяжении 1920-х гг., вследствие сложностей, испытываемых Православной, Католической и Лютеранской церквями, свободные общины на Северо-Западе смогли активизировать свою деятельность и расширить свое влияние среди верующих, особенно среди этнических меньшинств (финны, эстонцы, латыши, немцы). Такая ситуация продлилась до конца 1920-х гг., когда в СССР было инициировано тотальное наступление на религию и церковь.

Ключевые слова: Северо-Запад, Россия, сектантство, религия, христианство, советская власть, СССР, религиозная политика, протестантские общины.

Сведения об авторе: *Мусаев В. И.* — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); vmusaev62@mail.ru

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7

FOR CITATION

Musaev V.I. 'Free Religious Communities in the North-West of Russia Between 1917 and the Late 1920s', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 3, 2022, pp. 710–725.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.312> (In Russian)

Abstract: The article deals studies the existence and activities of the free Protestant communities (Baptists, Evangelists, Adventists, Pentecostals) in Petrograd/Leningrad and the Russian North-West, from establishment of Soviet power until the end of the 1920s. Soviet power had mixed consequences for the free communities. On the one hand, the new ruling party's generally negative attitude to religion and its orientation towards constructing an atheist society had negative consequences for all religious organizations. On the other hand, due to elimination of the state church, free communities acquired equal rights with other religious groups. During the first years of Soviet power, anti-religious repressions centered first and foremost on the Russian Orthodox Church. The attitude of the new regime towards religious sects that were previously oppressed under the tsarist regime was more tolerable. Atheist propaganda in the 1920s was not so active as in the next decade. Confiscatory measures

against church organizations had less serious consequences for free communities that did not possess considerable assets or real estate. During the 1920s, due to the difficulties experienced by the Orthodox, Roman-Catholic, and Lutheran churches, the free sects managed to intensify their activities and to expand their influence among the believers in the North-West, especially among the ethnic minorities (Finns, Estonians, Latvians, Germans). This situation had lasted until the late 1920s, when a total offensive against religion was initiated.

Keywords: Russia, North-West, sects, religion, Christianity, Soviet Power, USSR, religious policy, protestant communities.

Author: *Musaev V. I.* — Dr. Sci. in History, Leading Research Fellow, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg, Russia); vmusaev62@mail.ru

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, ul. Petrozavodskaya, St Petersburg, 197110, Russia

References:

- Amburger E. *Geschichte des Protestantismus in Rußland* (Stuttgart, 1961).
- Gassenschmidt C. 'Die Evangelisch-Lutherische Kirche in der Sowjetunion 1917–1941' in *Politik und Religion in der Sowjetunion 1917–1941*, Gassenschmidt C., Tuchtenhagen R. (Hrsg) (Wiesbaden, 2001).
- Krapivin M. Yu., Leikin A. Ya., Dolgatov A. T. 'Antimilitarism of the sects and problems of the construction of the armed forces (1918–1939)' in *Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii (XVI — nachalo XX v.)* (St Petersburg, 2004). (In Russian)
- Krapivin M. Yu., Leikin A. Ya., Dolgatov A. T. *Fortunes of the Christian sects in Soviet Russia (1917 — late 1930s)* (St Petersburg, 2003). (In Russian)
- Nikolskaya T. *Russian Protestantism and the state power between 1905 and 1991* (St Petersburg, 2008). (In Russian)
- Savinsky S. N. *History of the Evangelist Christians — the Baptists in Ukraine, Russia, and White Russia*, pt 2 (St Petersburg, 2001). (In Russian)
- Savinsky S. N. *History of the Russian-Ukrainian Baptism* (Odessa, 1995). (In Russian)
- Tuchtenhagen R. 'Zwischen sozialer Utopie und Verfolgung. Protestantische Freikirchen in der Sowjetunion 1917–1941' in *Politik und Religion in der Sowjetunion 1917–1941*, Gassenschmidt C., Tuchtenhagen R. (Hrsg) (Wiesbaden, 2001).

Received: July 7, 2021

Accepted: May 8, 2022